

Санитарные недочеты нашей деревни *).

(Деревенскія письма).

У.

деревенскія кладбища.—Усыпальницы.—Собачій вопросъ.—Къ вопросу объ улучшеніи санитарнаго состоянія нашей деревни.

Вопросъ о рациональномъ устройствѣ и содержаніи кладбищъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной гигиены не только въ нашихъ крупныхъ городахъ, но и въ мелкихъ провинціальныхъ городахъ и селахъ.

Сожиганіе труповъ, повидимому, еще долго не привьется въ нашемъ отечествѣ, а потому вопросъ о рациональномъ устройствѣ и содержаніи нашихъ кладбищъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ санитаріи и гигиены. Кремація труповъ—это «журавль въ небѣ», а рациональное содержаніе нашихъ кладбищъ это—«синица въ рукахъ».

Наше правительство вполне сознаетъ необходимость рациональнаго содержанія кладбищъ. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1895 г. черновскій губернаторъ указывалъ между прочимъ на дурное состояніе кладбищъ во ввѣренной его управленію губерніи. Противъ этого мѣста отчета государь Императоръ соизволялъ отмѣтить: «Это вопросъ, касающійся всей Россіи». Вслѣдствіе этой отмѣтки св. синодъ имѣлъ сужденіе по вопросу о приведеніи кладбищъ въ надлежащій видъ. Плодомъ обсужденія этого вопроса явился циркулярный указъ синода отъ 30 февраля 1897 г., обязавшій духовенству содержать кладбища въ благоустроенномъ, опрятномъ и приличномъ видѣ, озаботиться о безотлагательномъ приведеніи въ порядокъ и благоустройство кладбищъ, находящихся по какимъ-либо причинамъ и въ какомъ-либо отношеніи въ неудовлетворительномъ состояніи, причемъ къ покрытію расходовъ на сей предметъ приглашать частныхъ лицъ, городскія и сельскія общества, а гдѣ окажется возможнымъ, удѣлять на это часть церковныхъ или кладбищенскихъ доходовъ.

Слѣдствіемъ этого циркуляра было, что нѣкоторые наши кладбища сколько почистились, приняли болѣе приличный видъ... и только. И

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1903 г.

теперь, какъ и прежде, наши сельскія кладбища представляютъ собою познѣйшее отрицаніе санитаріи и гигиены.

Прежде всего остановимся на выборѣ мѣста подѣ кладбища. Уже простой здравый смыслъ показываетъ, что мѣста подѣ кладбища должны быть отводимы внѣ селеній, вдали отъ проточной питьевой воды. Соображеніе это подтверждается и наукой, такъ какъ нынѣ вполне точно установлено, что нераціонально устроенныя кладбища играютъ весьма видную роль въ дѣлѣ распространенія инфекціонныхъ заболеванийъ. Вполнѣ понятно, поэтому, что указомъ св. синода отъ 12 апрѣля 1833 г., а также 925 ст. уст. врач. воспрещается погребать тѣла умершихъ въ чертѣ селеній, въ церковныхъ оградахъ.

Между тѣмъ большая часть нашихъ сельскихъ кладбищъ и устроена именно въ чертѣ селеній, чаще всего въ центрѣ ихъ, внутри церковныхъ оградъ. Въ срединѣ этихъ кладбищъ стоятъ сельскіе храмы, посѣщаемые тысячами, а иногда и десятками тысячъ богомольцевъ. Мало того, значительная часть кладбищъ устроена по берегамъ рѣкъ, доставляющихъ жителямъ питьевую воду. Очень часто можно видѣть кладбище, устроенное на берегу рѣки, а ниже его, на томъ же берегу, въ разстояніи 50—100 саженой отъ кладбища лежитъ селеніе, пользующееся питьевой водой изъ этой рѣки. Что все это съ санитарно-гигиенической точки зрѣнія недопустимо, объ этомъ не стоитъ и говорить.

При выборѣ мѣста подѣ кладбище самымъ существеннымъ вопросомъ по Richard'у является характеръ почвы. *Лучшей считается та почва, у которой поры болѣе широки, благодаря чему сквозь нихъ воздухъ и вода свободнѣе циркулируютъ.* Лучше всего для этой цѣли служить гравій съ зернами средней величины и известковая почва; затѣмъ идетъ мелкій гравій и, наконецъ, песокъ. Глина, пополамъ съ пескомъ, въ меньшей мѣрѣ соответствуетъ цѣли. Еще меньше пригодна для этого сланцевая и торфяная.

Такъ учить современная гигиена. Между тѣмъ при устройствѣ нашихъ кладбищъ на характеръ почвы не обращается, обыкновенно, никакого вниманія. Единственно, чѣмъ руководствуются при выборѣ мѣста подѣ кладбище—это только тѣмъ, чтобы выбрать самое плохое мѣсто, не приносящее никакого дохода и не пригодное ни для какихъ другихъ практическихъ цѣлей. Такое мѣсто чаще всего оказывается непригоднымъ и для кладбища.

Гигиена учить, что *уровень погребенія труповъ долженъ находиться не ниже самаго высшаго уровня почвенной воды, такъ какъ почвенная вода вытягиваетъ изъ поръ воздухъ и, такимъ образомъ, приостанавливаетъ на извѣстное, и притомъ довольно долгое, время процессъ окисленія труповъ.* Такимъ образомъ, подѣ кладбища должно выбирать мѣста возвышенныя, свободныя отъ наводненій и хорошо провѣтриваемыя.

Какъ и предыдущее, и это требованіе при устройствѣ кладбищъ у насъ очень часто игнорируется. Зачастую можно встрѣтить у насъ кладбища,

устроенныя на такихъ сырыхъ мѣстахъ, что даже въ лѣтнее, сухое время года приходится опускать гробы въ воду.

Современная намъ гигиѣна учитъ, что чѣмъ глубже похоронена трупа, тѣмъ медленнѣе она будетъ разрушаться. Точныя наблюденія показали, что на большой глубинѣ трупы сохраняются почти безъ разрушенія. Известно, что разложеніе труповъ совершается при помощи почвенныхъ микроорганизмовъ. Отсюда и вытекаетъ правило помѣщать трупы въ тѣ слои земли, гдѣ эти зародыши существуютъ и гдѣ они всего многочисленнѣе. Средній числомъ слой земли, богатый бактеріями, имѣетъ два метра въ глубину, причемъ первый отъ поверхности богаче второго.

По русскому законодательству, трупы должны быть зарываемы на глубину $2\frac{1}{2}$ аршинъ. По французскому закону, глубина могилы должна доходить отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 метровъ (для дѣтскихъ труповъ въ разныхъ странахъ дѣлается исключеніе, причемъ позволяется хоронить ихъ не такъ глубоко). Почти всѣ европейскія законодательства держатся относительно предѣльной, минимальной глубины могилъ вышеуказанныхъ нормъ.

Между тѣмъ, современное состояніе гигиѣны заставляетъ признать общій принципъ, что законная глубина могилъ чрезчуръ велика. Эти нормы установлены были въ ту эпоху, когда главное вниманіе обращалось на выходненіе изъ могилы могильныхъ газовъ и когда именно въ этихъ газахъ видѣли источникъ зараженій и приписывали имъ вредоносное дѣйствіе, котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ.

Въ настоящее время большинство гигиенистовъ рекомендуетъ значительно уменьшать минимальную глубину могилъ. Такъ, Pettensofer полагаетъ, что при хорошо провѣтриваемой почвѣ достаточно, чтобы могилы имѣли 1,17 метровъ глубины (около 1,7 арш.); Chuster же уменьшаетъ и эти размѣры. Уменьшеніе глубины могилъ связано, во-первыхъ, съ уменьшеніемъ работы могильщиковъ, а, во-вторыхъ, съ удаленіемъ отъ почвенной воды. Въ настоящее время на множествѣ нашихъ кладбищъ (такія кладбища, какъ намъ известно, существуютъ и въ Петербургѣ) при $2\frac{1}{2}$ аршинной глубинѣ гробы приходится помѣщать прямо въ почвенную воду, причемъ трупы обращаются въ жировоскъ, т.-е. разложеніе ихъ окончательно приостанавливается. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ содержаніе нашихъ кладбищъ рѣзко расходится съ требованіями современной гигиѣны. Помѣщая же трупы не такъ глубоко, можно было бы достигнуть ингуація, соответствующей правиламъ современной гигиѣны.

Могилы должно провѣтривать насколько возможно больше: провѣтриваніе способствуетъ разложенію труповъ и обращенію ихъ подъ вліяніемъ азота воздуха въ азотистыя соединенія. При погребеніи труповъ на нашихъ кладбищахъ поступаютъ какъ разъ наоборотъ: могилу стараются утрамбовать какъ можно плотнѣе, а въ городахъ заливаютъ ее известью, гипсомъ и т. п. Въмѣсто обыкновенныхъ ямъ иногда дѣлаютъ кирпичные склепы (къ счастью на сельскихъ кладбищахъ это рѣдкое исключеніе), стѣны которыхъ цементируются. Такимъ образомъ на нашихъ кладбищахъ дѣлает-

ся все, что возможно, къ тому, чтобы трупъ въ землѣ разлагался гораздо медленнѣе, что, конечно, противорѣчитъ и основнымъ требованіямъ гигиены и самой цѣли погребенія.

Гигиенистами признано, что для погребенія всего лучше употреблять гробы, проницаемые для воды. Хотя въ нашихъ деревняхъ и неизвѣстны гробы металлическіе, осмоленные и т. п. непроницаемые гробы, а также ящики для гробовъ, но за то и теперь употребляются еще такъ называемыя колоды, т.-е. гробы, выдолбленные въ цѣльномъ стволѣ дерева. По ученію нѣкоторыхъ раскольничьихъ толковъ при погребеніи должно непременно употреблять эти колоды, а отнюдь не гробы. Между тѣмъ, колоды по своей водонепроницаемости не уступятъ не только осмоленнымъ гробамъ, но на первое время даже и металлическимъ.

На кладбищѣ, такъ же какъ и на ирригационномъ полѣ, почва не слѣдуетъ давать вещества больше, чѣмъ она можетъ поглотить—такъ учить гигиена. Землѣ не нужно приносить ничего, пока она не уничтожитъ принесеннаго раньше, за исключеніемъ, конечно, костяныхъ частей.

Опытомъ дознано, что полное разрушеніе трупа совершается въ 5 лѣтъ, а черезъ 10 лѣтъ, при благоприятныхъ условіяхъ оно уже настолько велико, что на этомъ мѣстѣ можно совершать вторичное погребеніе. Между тѣмъ на нашихъ кладбищахъ зачастую черезъ 5—6 лѣтъ производится на одномъ и томъ же мѣстѣ уже вторичное погребеніе и приготовленіе ямъ для погребенія носитъ поэтому характеръ раскапыванія могилъ, со всѣми свойствами такого дѣйствія—вырываніемъ костей, полустлѣвшихъ остатковъ гробовъ и т. д.

Въ большинствѣ случаевъ наши деревенскія кладбища крайне тѣсны и не соотвѣтствуютъ научно принятымъ нормамъ.

Давно уже наши кладбища обсаживаются деревьями, но и въ данномъ случаѣ почти всегда дѣйствуютъ вопреки гигиеническимъ требованіямъ. Кладбища наши бывають иногда настолько густо обсажены деревьями, что вѣтви образуютъ надъ землею непроницаемый сводъ, подъ который никогда не проникаетъ солнечный лучъ и гдѣ постоянно царитъ сырость. Естественно, что влага на почвѣ такихъ кладбищъ сильно задерживается и могилы почти совсѣмъ не провѣтриваются. Между тѣмъ, согласно требованіямъ гигиены, кладбищенская растительность имѣетъ свою цѣль, во-первыхъ, уничтожить конечные продукты разложенія труповъ, а, во-вторыхъ, осушить почву. Последняя цѣль главнымъ образомъ и преслѣдуется при обсадкѣ кладбищъ деревьями.

Очевидно, что большинство нашихъ кладбищъ существуетъ «само по себѣ», а гигиена «сама по себѣ». Справедливость требуетъ замѣтить, что есть и такія кладбища, которыя производятъ на зрителя прямо удручающее впечатлѣніе: ограды или изгороди вокругъ кладбища нѣтъ, кресты поломаны, могилы полуразрыты, а на кладбищѣ безпрепятственно производится пастьба скота и свиней (последнее случается на большинствѣ деревенскихъ кладбищъ).

Въ числу важныхъ недостатковъ, присущихъ нашимъ кладбищамъ, можно отнести и повсемѣстное отсутствіе на нихъ «усыпальницъ».

Самая ужасная смерть есть, конечно, смерть заживо погребеннаго въ могилѣ человѣка. Случаи погребенія заживо мнимоумершихъ констатировались съ давнихъ поръ; и въ настоящее время нерѣдко проникаютъ въ печать свѣдѣнія о такихъ случаяхъ.

При той невыразимой нескладицѣ, которая полновластно царитъ въ нашей деревнѣ, вопросъ о томъ, не хоронить ли она живыми своихъ сыновъ, не является вопросомъ празднымъ и безцѣльнымъ. Тысячи сказаній ходятъ по народѣ о заживо-погребенныхъ, переворачивающихся въ своихъ гробахъ, кусающихъ свои руки, наполняющихъ пустынные кладбища воплями.

Случаи временнаго обмиранія такъ естественны въ погруженной въ каторжный трудъ деревнѣ, гдѣ больные мужики перемагаются не по днямъ, а по недѣлямъ, и женщины идутъ на тяжелый трудъ на другой день послѣ родовъ. И дѣйствительно, судебная хроника и сообщенія корреспондентовъ въ повременной прессѣ говорятъ, что роковыя ошибки бывають.

Въ сожалѣнію, то обстоятельство, что мы не часто слышимъ о случаяхъ погребенія заживо мнимоумершихъ, отнюдь не говоритъ ничего за то, что случаи эти сами по себѣ бывають рѣдки.

Правда, у насъ есть законъ, по которому всякій умершій можетъ быть погребенъ не ранѣе, какъ черезъ три дня послѣ смерти. Законъ этотъ во всякомъ случаѣ могъ бы служить хотя слабою палліативною мѣрою противъ погребенія мнимоумершихъ. Въ несчастію, къ точному выполнению этого закона представляется множество препятствій. Представьте себѣ тѣсную крестьянскую избу, не болѣе 4 квадратныхъ саженей пространства, вмѣщающую въ себѣ 7—8, а иногда и болѣе человѣкъ. Представьте себѣ лѣтнюю жаркую пору, когда температура въ избѣ достигаетъ 20° R и болѣе.

И въ такой тѣсотѣ, въ такой жарѣ тѣло должно выстоять въ избѣ, наполненной мухами, цѣлыхъ три дня! И хорошо еще, если умершій умеръ не заразною болѣзнію! Но если болѣзнь была инфекціоннаго характера, то какое прекрасное средство для распространенія эпидеміи представляетъ изъ себя строгое выполненіе этого закона. Неудивительно, что крестьяне просятъ постоянно священника поскорѣй схоронить «упокойничка». Одни изъ священниковъ, строгіе формалисты, отказываются категорически на всѣ такія просьбы и хоронятъ умершихъ не ранѣе, какъ черезъ три дня послѣ ихъ смерти. Одобрить такой формализмъ едва ли можно. Другіе священники заставляютъ приносить покойниковъ въ церковь, гдѣ гробы съ ними и стоятъ до узаконеннаго трехдневнаго срока. Но такіе священники нарушаютъ и святость храма (храмъ — не жертвенная) и въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи грѣшатъ не меньше, если не больше первыхъ, такъ какъ храмъ посѣщается всегда множествомъ молящихся и для распространенія эпидемическихъ заболѣваній здѣсь представляется широкій просторъ. Замѣтимъ, что наши храмы дезинфекціи никогда не подверга-

ются. Третьи священники, не ожидая трехдневнаго срока, хоронят умерших черезъ день послѣ смерти, а иногда и ранѣе. Такимъ образомъ, вышеупомянутый законъ идетъ «самъ по себѣ», а жизнь идетъ «сама по себѣ» и... мнимоумершіе хоронятся заживо.

Чтобы законъ этотъ сдѣлался «дѣятельнымъ», необходимо, чтобы при каждомъ кладбищѣ была устроена «усыпальница», въ которой трупы умершихъ могли бы лежать до погребенія въ теченіе трехъ дней, предписанныхъ закономъ, а въ случаѣ нужды и долѣе. Устройство такихъ усыпальницъ всетаки дастъ нѣкоторую гарантію на то, что случаевъ погребенія заживо мнимоумершихъ будетъ менѣе—это разъ. Съ другой стороны, помѣщеніе тѣла въ усыпальницѣ, въ случаѣ заразныхъ заболѣваній, съ санитарно-гигіенической точки зрѣнія всетаки цѣлесообразнѣе и рациональнѣе, чѣмъ выдерживаніе его въ теченіе трехъ дней въ душной крестьянской избѣ или въ храмѣ. Усыпальницу всегда можно подвергать самой строгой дезинфекціи, почему и устривать ее нужно такъ, чтобы ее возможно было дезинфицировать и радикально и легко.

Большую услугу сослужили бы усыпальницы и въ судебно-врачебномъ отношеніи. Въ настоящее время всякій «скоропостижно» умершій остается на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ застигла его смерть, до пріѣзда пристава съ врачомъ, который тутъ же и производитъ вскрытіе. Въ данномъ случаѣ къ тѣлу приставляется караулъ изъ нѣсколькихъ крестьянъ, которые и караулятъ его днемъ и ночью поочередно. И лежитъ несчастное тѣло недѣлю, а иногда и болѣе, подъ проливнымъ дождемъ или подъ палящими лучами солнца, прикрытое какою-нибудь грязною рогожею, лежитъ до тѣхъ поръ, пока отъ него не начнетъ «смердеть» чуть не за полверсты...

Но вотъ пріѣзжаетъ врачъ и находитъ нужнымъ произвести вскрытіе тѣла. Хорошо если дѣло происходитъ лѣтомъ: вскрытіе произведутъ въ какомъ-нибудь сараѣ или тутъ же въ полѣ или въ лѣсу, гдѣ лежитъ умершій—и дѣлу конецъ. Но не то бываетъ зимою. Тѣло нужно бываетъ перенести въ теплую избу. А между тѣмъ нашъ народъ относится крайне брезгливо къ вскрытію покойниковъ: ни одинъ крестьянинъ не согласится добровольно, чтобы въ его избѣ «потрошили» покойника. Приходится въ данномъ случаѣ прибѣгать къ насилію, вслѣдствіе котораго со стороны крестьянъ бываетъ и сопротивленіе властямъ, и оскорбленіе служащихъ при отправленіи послѣдними служебныхъ обязанностей и др. строго наказуемыя дѣянія.

О томъ, насколько удобно производить вскрытія въ лѣсу или на полѣ, и говорить нечего.

А между тѣмъ, будь при каждомъ кладбищѣ усыпальница, вышеупомянутыхъ неудобствъ не было бы и усыпальница могла бы служить довольно сноснымъ анатомическимъ театромъ, гораздо болѣе удобнымъ, во всякомъ случаѣ, чѣмъ крестьянская изба, лѣсная лужайка или сѣнной сарай.

Несмотря на вопіющую необходимость устройства усыпальницъ при

кладбищахъ, въ настоящее время едва ли изъ сотни кладбищъ найдется одно, при которомъ есть усыпальница.

Устройство усыпальницъ при кладбищахъ слѣдовало бы регламентировать закономъ и устройство это слѣдовало бы производить за счетъ церкви и причтовъ, такъ какъ, во-первыхъ, всякое кладбище составляетъ собственность церкви (рѣш. гр. касс: деп. пр. сен. 1896 г., 10 апр.) и заботы о благоустройствѣ послѣдняго возлагаются на причтъ и церковнаго старосту этой церкви, а во-вторыхъ, кладбище для причта и церкви представляетъ собою въ высшей степени доходную статью (продажи вѣнчиковъ и молитвъ, похороны, литіи, панихиды, поминовеніе усопшихъ и т. п.) и кладбищенскія церкви вездѣ самыя богатыя.

VI.

Съ наступленіемъ лѣта изъ года въ годъ выдвигается у насъ въ Россіи на сцену «собачій вопросъ» и затѣмъ, не получивъ надлежащаго разрѣшенія, передается забвенію до слѣдующаго лѣта. Въ городахъ этотъ вопросъ еще разрѣшается кое-какъ при помощи обязательныхъ думскихъ постановленій, направленныхъ противъ бродячихъ собакъ, но деревня, можно сказать безъ преувеличенія, находится подъ властію четвероногихъ друзей человѣчества.

Въ настоящее время уже принято за аксіому, что всего чаще награждаютъ человѣка водобоязнью собаки; отъ нея же распространяется эта жестокая болѣзнь и среди различныхъ дикихъ животныхъ, какъ, наприм., волкъ, лисица, гіена, шакалъ, укушеніе которыхъ бываетъ во время водобоязни такъ страшно для человѣка.

А между тѣмъ въ нашей деревнѣ никогда не предпринималось и не предпринимается никакихъ мѣръ къ ограниченію собачьихъ «правъ и преимуществъ».

Сколько бываетъ въ нашихъ деревняхъ случаевъ укусовъ людей собаками, даже и не бѣшенными, а иногда, какъ это видно изъ газетныхъ сообщеній, и загрызанія дѣтей до смерти. Это уже цвѣтокъ нашей культуры. Въ большинствѣ случаевъ всѣ такія «дѣянія» нашихъ четвероногихъ друзей проходятъ вполне безнаказанно для ихъ владѣльцевъ.

Правда, нашъ законъ довольно строго относится къ владѣльцамъ собакъ въ этихъ случаяхъ, но примѣнить его въ большинствѣ случаевъ бываетъ положительно невозможно. Представьте себѣ такой случай: идете вы мимо усадьбы, расположенной на большой дорогѣ. Въ вамъ на дорогу выбѣгаетъ свора псовъ: они рвутъ ваши пальто и панталоны, кусаютъ васъ и нерѣдко готовы бываютъ разорвать васъ на клочки. И—увы!—свидѣтелей такой поучительной картинки, кромѣ самого же хозяина и его служащихъ (да и то не всегда), нѣтъ никого, привлечь «къ мировому» владѣльца собакъ не представляется возможности и онъ остается ненаказуемъ. Среди нашего населенія чувство законности и уваженія къ

чужимъ правамъ настолько мало развито, что такія картинки приходится встрѣчать повсюду. Правительство отпускаетъ сотни тысячъ на устройство лѣчебницъ для искусанныхъ бѣшенными животными (чаще всего собаками), земства тратятъ тысячи рублей на отправку больныхъ въ эти лѣчебницы, а владѣльцы собакъ, удовлетворяя иногда только одной своей грубой прихоти, созерцаютъ, какъ ихъ четвероногіе друзья рвутъ на части двуногое, бѣдное человѣчество, созерцаютъ и... не участвуютъ въ вышеупомянутыхъ расходахъ.

Налогъ на собакъ былъ бы въ данномъ случаѣ только актомъ справедливости. Не слѣдуетъ забывать того, что однимъ бѣшенствомъ еще не исчерпывается весь тотъ вредъ, какой приноситъ собака человѣку. Кроме водобоязни собака награждаетъ человѣка и домашнихъ животныхъ множествомъ различныхъ глисть, среди которыхъ есть весьма опасныя, какъ, наприм., эхинококкъ.

Какъ передатчица инфекціонныхъ заболѣваній отъ животнаго къ человѣку и отъ человѣка къ человѣку, собака является однимъ изъ самыхъ лучшихъ факторовъ, тѣмъ болѣе, что никому у насъ никогда еще не приходило въ голову при дезинфекціи квартиры дезинфицировать и находящіяся въ квартирѣ собакъ. А сколько помогаетъ собака распространенію лѣтотъ эпизоотій, откапывая зараженные трупы животныхъ, заражаясь, такимъ образомъ, сама и заражая затѣмъ другихъ животныхъ, а нерѣдко и человѣка.

Очевидно, что вопросъ объ ограниченіи собачьихъ правъ и преимуществъ—вопросъ для деревни весьма важный. Главною мѣрою къ ограниченію собакъ могъ бы быть всеобщій налогъ на собакъ. Въ культурныхъ странахъ западной Европы такой налогъ давно уже существуетъ. Въ пользу такого налога высказывались и высказываются и всѣ наши охотничьи общества.

На запросъ по этому поводу министерства земледѣлія тамбовскій отдѣлъ импер. общества прав. охоты высказался такъ: «количество бродячихъ собакъ происходитъ главнымъ образомъ отъ неряшества крестьянъ, держащихъ безъ призора и корма несмѣтное число собакъ по деревнямъ, бросаемыхъ нерѣдко и въ городахъ въ дни базарныя, гдѣ собаки эти часто бѣсятся и производятъ несчастія. Главною мѣрою противъ этого слѣдовало бы установить повсемѣстно налогъ на собакъ». Эстляндское общество правильной охоты высказывается по этому поводу, что лучшимъ средствомъ къ ограниченію вреда, приносимаго собаками, должно считать введеніе всеобщаго налога на собакъ (*Прир. и Охота*, 1895 г., № 6).

Вмѣстѣ съ налогомъ на собакъ должно вестись параллельно и безпощадное истребленіе бродячихъ собакъ. Это требованіе не только гигиенистовъ, но, какъ мы уже видѣли выше, и охотниковъ. Впрочемъ, эти двѣ мѣры сами по себѣ у насъ въ Россіи, гдѣ о рациональномъ содержаніи собакъ не имѣютъ и понятія, гдѣ каждый хозяинъ содержитъ свою собаку, какъ Тургеневскій Ермолай свою Валетку, т.-е. никогда не кормитъ ее, не принесутъ осязательной пользы безъ третьей мѣры, а именно безъ

обязательныхъ для собакъ намордниковъ. Всякая собака должна быть или на привязи, или же выходить на улицу, не иначе, какъ съ намордникомъ. Указанныя правила должны войти въ сводъ законовъ, въ уставъ объ охраненіи народнаго здравія, съ соотвѣтствующею статьею въ уложеніи о наказ., которое по этой статьѣ должно быть достаточно строго.

Чтобы законъ этотъ не оставался мертвою буквою, необходимо, въ случаяхъ укушенія собаками людей, не только привлекать къ отвѣтственности владѣльцевъ этихъ собакъ, но и полицейскимъ чинамъ дѣлать административныя внушенія по поводу допущенныхъ ими въ своемъ районѣ безпорядковъ, какъ это дѣлается по поводу другихъ упущеній по службѣ. Распространеніе въ обществѣ здравыхъ понятій о гигиенѣ въ широкомъ смыслѣ есть долгъ каждаго образованнаго человѣка, а тѣмъ болѣе врача и фельдшера, а потому врачи и фельдшера должны постоянно указывать населенію на вредъ, причиняемый собаками какъ для взрослыхъ, такъ и особенно для дѣтей.

Специалисты животноводы должны, наконецъ, путемъ популярныхъ статей и брошюръ знакомить публику съ рациональнымъ уходомъ за собаками, такъ какъ только при самомъ заботливомъ уходѣ и разумной дрессировкѣ собака дѣлается другомъ, а не врагомъ человѣка.

VII.

«Улучшить санитарное состояніе нашихъ селъ и деревень возможно лишь путемъ поднятія умственнаго уровня народной массы» — вотъ мнѣніе, которое зачастую можно услышать отъ интеллигентныхъ лицъ и общественныхъ дѣятелей. Конечно, польза народнаго образованія въ дѣлѣ поднятія санитарнаго состоянія нашей деревни несомнѣнна, но возлагать всѣ свои упованія на умственное развитіе массы и только отъ него одного ожидать благихъ результатовъ, по нашему мнѣнію, едва ли благоразумно.

«Пока солнышко взойдетъ — роса очи выѣстъ», говоритъ народная мудрость. Пока образуются народныя массы, въ нашихъ селеніяхъ накопится столько грязи и разныхъ нечистотъ, что они буквально обратятся въ «Авгиевы конюшни», очистить кои не будетъ никакой человѣческой возможности. Пока поднимается умственный уровень народа, фальсификація пищевыхъ продуктовъ получить у насъ полныя права гражданства, и различныя заразные и эпидемическія болѣзни будутъ сводить въ могилу не десятки уже, а сотни тысячъ народа. Это — разъ. Съ другой стороны, и цѣло только умственное образованіе, само по себѣ, никогда не улучшитъ санитарнаго состоянія нашихъ селъ, деревень и городовъ. Развѣ не мало приговаривается у насъ къ «кутузкѣ» домовладѣльцевъ интеллигентныхъ, получившихъ высшее образованіе, за то, что они не выполняютъ самыхъ насущныхъ санитарныхъ требованій? Развѣ не мало у насъ интеллигентныхъ думскихъ воротилъ, поддерживающихъ самыя противогигиеническія и противосанитарныя порядки въ городахъ? Вѣдь «гдѣ до прибыли коснется,

не только тамъ гусямъ, и людямъ достается», гласить жизненная истина. Заполучить же прибыль не только дозволеннымъ, но и недозволеннымъ путемъ способенъ человекъ и умственно развитой, разъ у него нѣтъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ. Надѣяться же на нравственный подъёмъ народныхъ массъ, надѣяться на то, что люди будутъ любить другъ друга, надѣяться на то, что люди перестанутъ мошенничать и т. д., и т. д., при рѣшеніи безотлагательныхъ нуждъ, это — больше, чѣмъ утопія.

Всякій здравомыслящій человекъ предпочтетъ «журавлю въ небѣ—синицу въ рукахъ». Такою же «синицею въ рукахъ» является прежде всего строгая санитарная регламентація и дѣятельный санитарный надзоръ въ городахъ, селахъ и деревняхъ.

Что наши законы о сохраненіи народнаго здравія и неполны, и во многомъ отстали отъ современныхъ требованій нашей жизни,—это не новость. По существующимъ, на примѣръ, узаконеніямъ, домовладѣлецъ, сдающій квартиранту сырую квартиру, съ печами, распространяющими угаръ—ненаказуемъ. Ненаказуемы остаются: и владѣлецъ, устроившій возлѣ питьевого колодца выгребную яму, и хозяинъ, дурно кормящій своихъ рабочихъ, и т. д., и т. д.

Такихъ примѣровъ можно бы было указать множество. Насколько широкое поле для различныхъ толкованій представляютъ собою наши узаконенія касательно народнаго здравія, можетъ служить примѣромъ ст. 51 Уст. о наказаніяхъ: «За засариваніе рѣкъ, каналовъ, источниковъ или колодезь, бросаніемъ въ нихъ камней, песку и т. п. веществъ, отъ которыхъ не можетъ послѣдовать порчи воды, а равно за неисполненіе обязанностей чистить колодцы и содержать ихъ въ исправности виновные подвергаются денежному взысканію не свыше десяти рублей» (Уст. о наказаніи, ст. 52).

Руководствуясь настоящею статьею, мельники плотятъ плотины навозомъ, такъ какъ это и прочнѣе, и дешевле (можно и десятирублевый штрафъ заплатить), и навозъ для здоровья *не вреденъ*; сельскіе хозяева устраиваютъ компостныя кучи на берегахъ рѣкъ; заводчики свозятъ отбросы съ заводовъ въ рѣку же, такъ какъ эти отбросы *не вредны*, а домовладѣлецъ не чиститъ колодца потому, что онъ *чищенъ былъ*... пятнадцать лѣтъ тому назадъ. А вотъ и еще примѣръ: ст. 3 Уст. о наказ. гласить: «За порчу воды въ мѣстахъ, гдѣ ее берутъ для внутренняго употребленія, моченіемъ льна или конопли, сваливаніемъ нечистотъ или же бросаніемъ вредныхъ веществъ, виновные подвергаются аресту не свыше семи дней или денежному взысканію не свыше 25 руб.». Итакъ, всякій, толкуя въ свою пользу эту статью, можетъ валить всѣ нечистоты въ рѣку, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сваливаетъ эти нечистоты, никто не беретъ воды для питья, а *берутъ ее ниже сажень на десять*. Такихъ примѣровъ можно бы было привести не мало.

Помимо сказаннаго, слѣдуетъ замѣтить, что наказанія, налагаемыя на

шими законами за проступки противъ народнаго здравія, такъ ничтожны, что не могутъ считаться даже наказаніями. Самое высшее наказаніе по Уст. о наказ. налагается 115 ст. Уст. о наказ. «За приготовленіе для продажи или за продажу съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, вредныхъ для здоровья или испортившихся, а равно за выдѣлку посуды изъ вредныхъ для здоровья матеріаловъ, виновные, сверхъ уничтоженія припасовъ, напитковъ или посуды, подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не свыше ста рублей». Но что значитъ для заводчика отдать сто рублей, если онъ, благодаря своей фальсификаціи съѣстныхъ продуктовъ, наживаетъ не десятки только, а часто и сотни тысячъ рублей чистой прибыли?... Между тѣмъ, по германскимъ законамъ, за подмѣсъ сахара въ пищу или въ пиво налагается шестимѣсячный арестъ и штрафъ до 1,500 марокъ... А сколько веществъ, гораздо вреднѣе сахара, употребляется безнаказанно нашими фальсификаторами! Очевидно, что пересмотръ существующихъ законоположеній касательно охраненія народнаго здравія составляетъ предметъ насущной необходимости. Ходатайствовать объ этомъ должны неустанно наши врачебные съѣзды («лучше предупреждать болѣзни, нежели лѣчить ихъ»).

Вмѣстѣ со строгой санитарной регламентаціей, долженъ быть учрежденъ повсемѣстно и строгій санитарный надзоръ. Это логически вытекаетъ одно изъ другого. Что существующій теперь санитарный надзоръ есть только народія на дѣйствительный надзоръ—объ этомъ говорено нами было уже выше. И это справедливо не только для нашей деревни, но даже оказывается справедливымъ и для крупныхъ городовъ. Возьмемъ для примѣра такой крупный центръ, какъ Кіевъ. Какъ видно изъ отчета мѣстной городской санитарной комиссіи, санитарный надзоръ въ Кіевѣ состоитъ всего на все изъ трехъ санитарныхъ врачей, на которыхъ въ городѣ, растянувшись на 72 кв. версты, съ 250 тысячами жителей, лежитъ колоссальный, а потому и невыполнимый трудъ по надзору за усадьбами (свыше 8 тысячъ), улицами, канавами и т. п., за доброкачественностію пищи въ мѣстахъ ея изготовленія, храненія и продажи, за фабриками, заводами и мастерскими, между прочимъ, и въ отношеніи условій жизни рабочихъ и, наконецъ, по принятію мѣръ съ заразными болѣзнями (*Сынъ Отечества* 1899 г., № 173). Что касается до деревни, то дѣло, какъ мы уже видѣли выше, обстоитъ въ данномъ случаѣ еще хуже.

Необходимо создать специальный институтъ санитаровъ-врачей. Въ настоящее время санитарный надзоръ лежитъ отчасти на полиціи. Но, во-первыхъ, на полиціи лежитъ столько разнообразныхъ обязанностей (слѣдствія и розыски по преступленіямъ, надзоръ за путями сообщенія, за исполненіемъ устава лѣснаго, строительнаго, взысканіе недоимокъ и т. д.), что о санитарномъ надзорѣ дѣятельному становому приставу и подумать некогда. Во-вторыхъ, сами полицейскіе чины поголовно бываютъ нисколько не подготовлены къ санитарной дѣятельности. Получивъ общее образова-

ние, чаще всего неполное, чины полициі почти постоянно бывают незнакомы съ элементарными требованіями общественной и частной гигиені. Вполнѣ вѣдь понятно, что административное опредѣленіе ихъ на должномъ не даетъ имъ новыхъ знаній санитарно-гигиеническихъ. Если полиція можетъ принести большую пользу въ дѣлѣ санитарнаго надзора, то не какъ самостоятельный органъ, а какъ органъ, помогающій санитарному надзору, составленному изъ специалистовъ санитаровъ - врачей. Помощники этихъ санитаровъ-врачей могутъ быть и не врачи.

Что санитары-врачи должны состоять на государственной, а отнюдь не земской или городской службѣ, — это «conditio sine qua non». Что можетъ сдѣлать, напримѣръ, санитаръ, состоящій на городской службѣ, увидитъ санитарные безпорядки въ лавкѣ городского головы, въ трактъ гласнаго, на дворѣ другого гласнаго, въ булочной члена управы, въ домѣ председателя санитарной комиссіи и т. д., и т. д.? Что можетъ подѣлать земскій санитаръ противъ санитарныхъ безобразій въ усадьбѣ или на водѣ члена управы, земскаго гласнаго, а то и просто помѣщика, кото не сегодня-завтра можетъ сдѣлаться и гласнымъ, и членомъ управы, председателемъ ея, и даже предводителемъ дворянства? А сколько бываетъ и земскихъ, и думскихъ постановленій прямо противъ санитарнаго надзора! Много нужно гражданскаго мужества, чтобы бороться съ теми лицами, которыхъ зависишь по службѣ, а наберешься этого гражданскаго мужества... и въ результатѣ лишь одно властное: «долой строптиваго санитарнаго надзора въ 24 часа со службы!» Совсѣмъ другое дѣло санитаръ правительственный! Его голосъ, его дѣйствія были бы вполнѣ независимы.

Нечего и говорить, что со стороны государства потребуются большіе расходы по содержанію санитарнаго надзора, но остановка передъ этими расходами, въ видахъ важности охраненія народнаго здравія, положительно не имѣетъ за себя никакихъ оправданій. Припомнимъ афоризмъ Сувова «деньги дороги, но жизнь человѣческая дороже». Не будетъ гражданскаго мужества и государственныхъ доходовъ...

Намъ думается, что расходы по учрежденію санитарнаго надзора могли бы быть покрыты безъ особеннаго обремененія новыми налогами.

Кто вредитъ такъ или иначе общественному здравію, тотъ долженъ нести и расходы по охраненію народнаго здравія. Это требованіе справедливости.

Въ настоящее время, несмотря на отсутствіе санитарнаго надзора, изводится всетаки много дѣла по проступкамъ противъ общественнаго здравія. Въ Ярославской, напримѣръ, губерніи въ 1896 году за проступки противъ общественнаго здравія (ст. 52—58 Уст. о наказ. и ст. 65 — было приговорено 1,748 человѣкъ. Сюда не вошли проступки противъ общественнаго здравія, предусмотрѣнные Уставомъ акцизнымъ. Число ихъ стиралось свыше 300. Предположимъ, что всѣхъ наказанныхъ было 2,000 человѣкъ, предположимъ, что каждый изъ нихъ приговоренъ въ срѣднемъ на 10 лѣтъ, то получимъ 20,000 лѣтъ тюремнаго заключенія, что составляетъ 10,000 лѣтъ жизни, которую государство должно было бы израсходовать на содержаніе этихъ заключенныхъ.

въ штрафу въ 10 руб. и получимъ на губернію солидную цифру въ 20 тысячъ рублей, достаточную на наемъ 20 санитаровъ. Но если увеличится строгость наказанія за проступки противъ общественнаго здравія, если усилятся санитарный надзоръ, то вышеупомянутая цифра, безъ сомнѣнія, улетѣрится. Сейчасъ эти штрафы имѣютъ специальное назначеніе: устройство и содержаніе мѣстъ заключенія. Но въ этомъ случаѣ намъ давно бы пора слѣдовать тому принципу, что «заключенные должны своими трудами содержать и себя, и поддерживать тюрьмы, въ которыхъ они обитаютъ». Вышеупомянутыя же суммы справедливѣе бы было употребить на санитарное улучшеніе нашей родины.

Такою же справедливою мѣрою явился бы и особый санитарный налогъ на всѣ фабрики и заводы, и всѣ вообще производства, такъ или иначе загрязняющія почву и воду и портящія воздухъ. Нашимъ фабрикантамъ и заводчикамъ подъ сѣнью протекціонизма живется такъ хорошо, что говорить имъ что-либо о тяжести лежащихъ на нихъ налоговъ совсѣмъ не приходится. Ничтожный налогъ на улучшеніе народнаго здравія не будетъ для нихъ нисколько обременителенъ. Между тѣмъ, рѣдная фабрика или заводъ не подпадетъ подъ этотъ налогъ и, какъ бы ни былъ послѣдній незначителенъ, въ общемъ должна составиться крупная сумма, могущая если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ покрыть содержаніе санитарнаго надзора.

Припомнимъ затѣмъ, какой громадный доходъ получаетъ правительство отъ монополіи. Доходъ этотъ тѣсно связанъ съ народнымъ здравіемъ, такъ какъ потребленіе водки безусловно вредно. Справедливость требуетъ, чтобы извѣстный % этихъ доходовъ отчислялся на санитарныя мѣры по охраненію народнаго здравія. Отчисленіе это правительство могло бы въ крайности покрыть хотя бы уменьшеніемъ жалованья акцизныхъ чиновниковъ, которое нынѣ несообразно велико. Старшій надзиратель округа, въ которомъ имѣется только три завода, получаетъ содержанія до 4½ тыс. руб. въ годъ, т.-е. болѣе чѣмъ судебный слѣдователь, членъ окружнаго суда и т. п. Между тѣмъ, такимъ надзирателемъ можетъ быть, и чаще всего бываетъ, лицо и нечиновное, и не получившее не только средняго, но и высшаго образованія. Обязанности его настолько просты, что съ ними легко ознакомиться вполнѣ основательно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а что онѣ чрезвычайно легки—объ этомъ и говорить не приходится. Чѣмъ же оправдывается такое крупное жалованье? Да тѣмъ благимъ желаніемъ, чтобы чины акцизнаго вѣдомства, получая хорошее жалованье, не пользовались взятками. Что соображенія эти ошибочны—и говорить нечего. Развѣ не «министерскіе» оклады получаютъ у насъ гг. инженеры? А въ результатѣ масса возникшихъ у насъ за послѣднее время дѣлъ показываетъ, что инженеры и «берутъ», и «берутъ часто», и «берутъ много».

Очевидно, что средства для образованія у насъ правильнаго государственнаго санитарнаго надзора найтись всегда могутъ и устройство такого

здоровья—не утопія, не мечта, а вещь легко достижимая. Расходы, употребленные на улучшение санитарнаго состоянія деревни, съ лихвою окупятся, такъ какъ съ улучшеніемъ санитарныхъ условій уменьшается заболеваемость и смертность, т.-е. уменьшаются расходы по леченію болезней.

Было бы смѣшно думать, что санитарная регламентація и санитарный надзоръ одни только могли бы оздоровить нашу деревню. Параллельно съ ними должны идти иѣропріятія просвѣтительнаго характера, а также экономическаго, направленныя къ просвѣщенію народа и къ улучшенію его матеріальнаго быта. О иѣропріятіяхъ этихъ мы будемъ говорить отдѣльно.

А. Баловъ.
